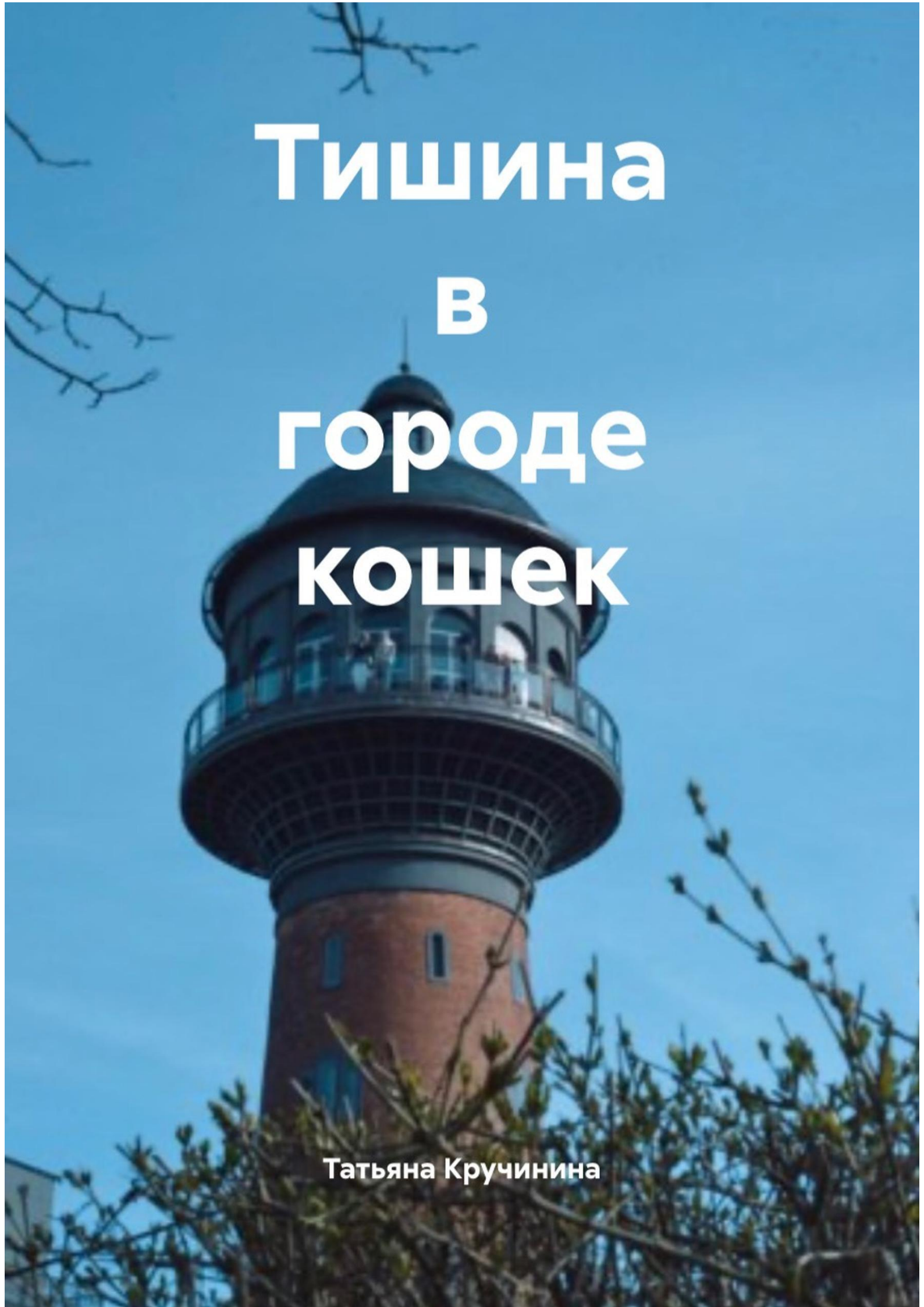

Тишина в городе кошек

Татьяна Кручинина

Татьяна Кручинина

Тишина в городе кошек

«Автор»

2026

Кручинина Т.

Тишина в городе кошек / Т. Кручинина — «Автор», 2026

Тёма не слышит мира — он чувствует его вибрацией асфальта и светом в глазах людей. Этим летом в приморском Зеленоградске ему предстоит не просто найти друзей, но и раскрыть похищение века: из музея исчезает янтарная статуэтка Бастет. Вместе с глухим мальчиком в поисках участвуют компания ребят, каждый из которых видит мир иначе: кто-то не видит вовсе, кто-то передвигается в коляске, кто-то ловит кадры объективом. Им помогают говорящий робот-кот Янтарик и мудрый дедушка. «Тишина в городе кошек» — это не детектив и не приключение. Это книга о том, как стать командой, когда каждый говорит на своём языке; о том, что правда не всегда кричит, а доверие важнее слов. Для тех, кто ищет в литературе тепло, смысл и веру в то, что даже в полной тишине можно услышать главное.

© Кручинина Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Тишина в городе кошек

Глава

Тишина в городе кошек

Если хочешь понять жизнь, перестань верить тому, что говорят и пишут, а наблюдай и чувствуй.

А. П. Чехов

Пролог

Той ночью янтарная кошка не исчезла. Она просто перестала быть собой.

Витрину не взламывали. Замок открыли ключом — тихо, без царапин. Камеру у входа аккуратно повернули в стену. Сигнализация молчала. Тот, кто это сделал, знал музей не по экскурсиям. По тем углам, куда не заглядывают туристы.

Утром на бархатной подставке стояла другая Бастет. Почти точная копия. Тот же янтарный отсвет, тот же силуэт. Обычный взгляд не заметил бы подмены. Но янтарь не обманывает. В настоящем свет идёт изнутри. В подделке — только внешний блик. И главное исчез: крошечный пузырёк воздуха на груди, застывший миллионы лет назад. Маленькое солнце, которое больше не грело.

Взрослые увидели то, что должны были увидеть. Полицейские кивнули, город вздохнул и забыл.

Кроме одного мальчика.

Тёма не слышал слов. Он читал город иначе: вибрацией асфальта под кроссовками. Тем, как воздух густеет перед грозой. Лицами, на которых написано то, что люди прячут даже от себя.

И однажды утром он увидел то, что пропустили все.

У служебного входа башни стоял человек. Смотрел на витрину. Не с тревогой. С облегчением.

Тёма запомнил это лицо. Запомнил, как дрогнули уголки губ. Как пальцы сжали и разжали кулак.

Он ещё не знал, что это начало. Но тело уже знало: нить найдена.

Оставалось только потянуть.

Глава 1: 3 знакомство и доверие

1.

Двор в тот день держался за привычку. Всё было на своих местах, только краски чуть выцвели, как у старой фотографии, которую долго держали на солнце. Облупленные стены, ржавая шведская стенка, лавка с перекошенной спинкой, под которой кто-то давно нацарапал «+5». На клумбе торчали выгоревшие лопухи, а между ними — одинокая ёлка, так и не отправленная на помойку после зимы. Иглы осыпались, ствол потемнел, но дерево всё равно стояло, словно ждало, что его заметят.

Летом здесь всё равно было по-своему хорошо. Тёплый, чуть липкий асфальт гудел от жары, пахло жареным луком из открытой форточки на первом этаже, а у мусорных баков, переминаясь с лапы на лапу, переговаривались воробьи. Двор лениво дремал, но не спал. В таких дворах сон всегда чуткий.

Мальчишки скучали каждый по-своему.

Родька гонял по бордюру помятую консервную банку, изображая пенальти. Банка звонко ударялась о бетон, отскакивала, летела вперёд. Каждую удачную «штангу» он сопровождал

победным вскриком, от которого воробьи вздрагивали и перелетали на соседнюю ветку. Родька не любил тишину. Она казалась ему пустотой, которую нужно срочно заполнить.

Веня сидел на ступеньках подъезда с книжкой без картинок. Держал её так, чтобы обложка была видна всем, но глаза упрямо бегали по строчкам. Иногда он поднимал голову, поправлял сползающие очки и смотрел через край линз — проверял, не случилось ли чего интересного. Он любил, когда события укладывались в сюжет. Так было спокойнее.

Влад лежал животом на верхней перекладине шведской стенки. Подбородком упирался в холодный металл, в руках держал камеру — настоящую, не телефон. Через видоискатель он разглядывал не двор, а небо между домами, где торчала башня музея. Кирпичная, с узкими окнами, она выглядывала из-за крыш, как глаз великана, прищуренный сквозь черепицу. Влад щёлкал редко. Он ждал, пока кадр сложится сам.

Появление этого человека никто сначала не заметил. Он вошёл во двор спокойно, не торопясь, с потёртой спортивной сумкой на плече и ракеткой для пинг-понга в руке. Невысокий, плотный, с седыми волосами и внимательными глазами. Такие глаза бывают у людей, привыкших замечать мелочи: криво прикрученную доску на лавке, трещинку на стекле, застрявший в ветках мяч. Или тишину, которая вдруг становится чуть плотнее.

Он остановился у пустого бетонного стола посреди двора. Плита заросла пылью и старыми надписями мелом: «Зенит», «Дима+Лена», крестики-нолики. Мужчина положил на край ракетку, провёл ладонью по шершавой поверхности и чуть отступил. Окинул взглядом расстояние до домов, до лавочек, до мусорных баков. Словно измерял не метры, а возможности.

— Так... — тихо сказал он сам себе. — Здесь вполне можно.

Первым его услышал Родька. Банка как раз угодила в бетонный столбик и укатилась под лавку. Мальчик замер, вытирая пот со лба тыльной стороной руки.

— Дед, вы чего? — спросил он, выпрямляясь.

— Не дед, а Пётр Иванович, — поправил мужчина и улыбнулся так, что «дед» уже не звучало обидно. — Стол примеряю. Думал, он тут только место занимает, а он ещё ничего. Крепкий.

Он постучал костяшками по краю — бетон ответил глухим, уверенным звуком. Вибрация прошла по столешнице, и Родька невольно шагнул ближе. Ему нравилось, когда вещи отвечают.

— Я тут недавно, — продолжил Пётр Иванович. — На втором этаже. С видом на эту башню. — Он кивнул туда, где между крышами вырастала знакомая музейная башня. — Двор у вас хороший. С характером.

Веня оторвался от книжки, приподнял очки на лоб.

— Это ещё как — с характером?

— А вот так. — Пётр Иванович оглядел облупленные стены, шведскую стенку, криво посаженную ёлку. — С таким двором не соскучишься. Он, может, и ворчит иногда, но за своими следит. Просто нужно уметь слушать.

Влад слез с перекладины, повесил камеру на шею, подошёл ближе. Он чуть шурился, будто примерял кадр.

— Вы прямо сюда переехали?

— Прямо сюда. — Пётр Иванович помолчал секунду. — Всю жизнь в школе про компьютеры рассказывал. А жить у моря всё некогда было. Мы с женой много лет хотели, да добрались только я и чемоданы.

Мальчишки переглянулись. Переспросить про жену не решились. Вопрос повис в воздухе, как пыльный столб света, но Пётр Иванович не стал его разгонять. Он просто кивнул, будто подтвердил что-то самому себе.

— А ракетка зачем? — Родька кивнул на рукоятку, выглядывающую из-под локтя.

— Как зачем? Чтобы играть. — Пётр Иванович оглядел мальчишек. — Стол есть, ракетка есть. Не хватает только самого важного.

— Какого ещё? — не выдержал Веня, закладывая палец в книжку.

— Тех, кто не боится проиграть.

Он посмотрел на них так, словно уже точно знал: такие во дворе есть. И, возможно, даже знал, кто именно.

В этот момент за домом коротко посигналил автомобиль. Воробьи дружно вспорхнули с баков. Влад поднял голову. Сквозь просвет между домами было видно: у башни, у самого музея, стоит белая машина. Голый, ослепительно чистый бок, тёмные стёкла. Чужая, как новая страница в потрёпанной книге.

Машина просто стояла. Не гудела, не моргала фарами. Влад запомнил её сразу, хотя сам ещё не понимал почему. Камеру он не поднял — просто отметил про себя: белая, без грязи. Слишком чистая для этого двора.

— Что, попробуем? — Пётр Иванович расстегнул сумку и достал вторую ракетку, чуть более поцарапанную. — Стол, бедняга, пылью задыхается.

— А мячик есть? — оживился Родька.

— Мячик у меня, кажется, ещё тот, школьный. — Пётр Иванович порылся в боковом кармане и вытащил маленький оранжевый шарик. Щёлкнул им по столу. Тот подпрыгнул ровно, послушно. Звук получился короткий, чёткий. Как удар сердца в тишине.

Двор, который минуту назад только дремал, словно подтянулся и стал внимательнее. Воробьи пересели на ветку над столом. С клумбы выглянул чей-то забытый резиновый мяч, покрытый трещинами, но всё ещё круглый.

— Я — за судьбу, — объявил Веня, пряча книжку за пазуху. — И за хроникёра. Буду записывать спорные моменты.

— А я — за чемпионат двора по пинг-понгу, — заявил Родька. — Вы, Пётр Иваныч, не обижайтесь, но пенсионеров мы не щадим.

— Это вы правильно. — Пётр Иванович протянул ему ракетку. — Пенсионеров щадить нельзя, они тогда совсем зарастут мхом. Ну что, чемпион, первый подаёшь ты.

Родька схватил ракетку так, будто это был меч, а не старая фанера с красной резиной. Встал у края стола, пробно взмахнул. Воздух разрезался с лёгким шипением.

Влад всё-таки поднял камеру и щёлкнул. В кадр попали бетонная плита, Родька в растянутой футболке с динозавром, Веня с очками на лбу, новый человек с седыми висками и вдали — верхушка башни.

Башня и плита с мальчишками оказались на одной прямой. Линия, которую не видно, но которая уже держит.

Пётр Иванович заметил это первым. Мяч взлетел над столом, закрутился и с глухим «тук» ударился о бетон. Игра началась.

А где-то там, за домами, у башни всё так же стояла белая машина — как запятая в середине фразы, конец которой пока неизвестен. И пока никто не решался её дочитать.

2.

На следующее утро двор выглядел так, будто кто-то тихо взялся за него всерьёз. С рассвета у мусорных баков стояли два тугих чёрных мешка, набитые сухими ветками, пыльными пакетами и обрывками старых газет. Одинокая ёлка исчезла — осталась только круглая лысая ямка, в которой темнела влажная земля. От неё пахло прелой хвоей и чем-то свежим, как после дождя.

— Это он, сто процентов, — сообщил Веня, спускаясь по лестнице и придерживая рукой обложку книги. — Никто у нас сам по себе мешки не выносит. Они у нас, по идее, должны укореняться. Вон как у бабушки в деревне — посадил и забыл.

Во дворе уже был Пётр Иванович. В старой, но выстиранной рубашке с закатанными рукавами, с плотными рабочими перчатками, торчащими из заднего кармана брюк, и неболь-

шой металлической коробкой у скамейки. Он сосредоточенно качал лавку: та жалобно поскрипывала и чуть приплясывала на одном расхлябанном болте.

— Доброе утро, молодые люди, — сказал он, не отрывая взгляда от гайки. — У вас тут лавка с характером. Сейчас попробуем убедить её жить дальше.

Он вставил рожковый ключ, провернул. Металл отозвался коротким, сухим щелчком. Пётр Иванович подтянул гайки, стукнул молотком по ножке — не сильно, а точно. Лавка перестала ходить ходуном, скрипнула в последний раз и затихла, встав ровно.

— Ну вот, — он выпрямился, провёл тыльной стороной руки по лбу и только тогда посмотрел на мальчишек. — Уже одно место во дворе стало чуть меньше ругаться.

Родька осторожно опустил на край. Дерево не взвыло, не просело, а просто приняло его вес, упругое и тёплое от солнца.

— Ничего себе... — протянул он. — А качели вы тоже чинили?

За их спинами мелодично взвизгнула цепь — коротко, без привычного протяжного ржавого стога. Качели откинулись назад и ровно, почти лениво, вернулись на место.

— Немного смазки и ровная рука творят чудеса. — Пётр Иванович обернулся к бетонному основанию, которое вчера Родька окрестил «полустолом». Сегодня на нём лежала старая школьная тетрадь в крупную клетку, длинная рулетка, карандаш, старательно подточенный ножом, и маленький пузырьковый уровень. — Подходите. Будем думать, как из этого сделать что-то приличное.

Влад первым оказался рядом. Плита всё такой же серая, в паутине трещин, но рядом с тетрадью и инструментами она уже напоминала заготовку, а не мусор. Солнце ложилось на бетон широким пятном, и в этом свете даже трещины казались линиями чертежа.

— Стол для пинг-понга, помните? — напомнил Пётр Иванович. — Вчера я померил на глаз. А сегодня давайте по-настоящему. Будем работать как взрослые инженеры. Точно, вместе, с проверкой.

Он протянул металлический язычок рулетки Родьке:

— Держи. За этот край отвечаешь. Тяни ровно, не перегибай.

— Ещё как, — фыркнул Родька и встал у угла плиты. Рукавица была велика, но он сжал рукоятку крепко.

— Влад, ты — записывающий. Пиши числа, как услышишь. Почерк можно не украшать, главное — чтобы самому потом разобрать и через месяц.

Влад взял тетрадь. Клеточки, ровные строчки, тонкая синяя линия полей — всё это пахнуло школьными контрольными. Только вместо задачи «два поезда выехали навстречу друг другу» у него сегодня был двор, лето и бетон, который мог стать чем-то настоящим.

— А я? — спросил Веня, закладывая палец в книгу, но уже не глядя на страницы.

— А ты — контроль, — Пётр Иванович говорил спокойно, но без тени снисхождения. — Главный проверяющий. Следи, чтобы мы не напутали, чтобы углы совпадали, чтобы рулетка не провисала. В любой команде нужен тот, кто замечает несостыковки до того, как они станут проблемой.

Веня толкнул очки повыше на нос.

— Контроль — это я умею. Я даже в книжках ошибки нахожу. А тут хотя бы цифры не врут.

Они мерили плиту вдоль и поперёк, вытягивая рулетку до щелчка, читали числа вслух, спорили, куда записывать сантиметры. Пётр Иванович терпеливо спрашивал:

— Вот смотрите: метр и двадцать семь сантиметров. Как удобнее записать? Целиком в сантиметрах или разделить?

— Целиком, — сразу ответил Веня. — Так честнее. Меньше путаницы.

— А ты как думаешь, Влад?

Влад задумался, глядя то на плиту, то в тетрадь. Карандаш замер над клеточкой.

— Если всё в сантиметрах, они будут одинаковые. Легче сравнивать. И рисовать потом проще.

— Согласен. — Пётр Иванович кивнул. — Значит, пишем целиком. Сто двадцать семь. Не метр двадцать семь. Запомнили?

Иногда он поправлял, но не ругался. Вместо «не так» спрашивал:

— А ты сам как думаешь? Если край будет кривой, мяч пойдёт по дуге. Играть удобнее или сложнее?

Родька сперва уверенно ляпал «удобнее!», а потом, представляя, как придётся тянуться, бить по кривой, ловить отскок, чесал затылок и честно менял ответ.

Постепенно в клеточках тетради появлялись аккуратные цифры, стрелочки, заметки на полях: «добавить бортик 4 см», «краска — зелёная или синяя?», «сетку крепить здесь, по центру», «углы закруглить, чтобы не биться».

— А сетка... — протянул Веня, перечитывая список. — Она же денег стоит. И фанера. И краска. И болты.

Пётр Иванович вздохнул деловито:

— Конечно, стоит. Всё, что настоящее, чего-то да стоит.

Он вырвал чистый лист, прижал его коленом и быстро набросал табличку: «Фанера влагостойкая», «Краска акриловая», «Сетка стандарт», «Мячи (уп.)» — и примерные суммы. Рядом оставил место для вопросительных знаков и пометку «резерв 10%».

— Вот. Это не страшные цифры, но и не игрушечные. Я часть потяну сам. Может, что-то удастся выбить по-честному — напишу обращение в управу, приложу наши измерения, фото. Пусть в городе знают, что здесь не только жалуются, но и делают.

Он говорил спокойно, как о самом естественном деле. Не обещал чудес. Не давил. Просто констатировал.

— Либо можно ждать годами, пока кто-нибудь вспомнит про ваш двор сам. Может, вспомнят. Может, нет. Двор не ждёт. Двор живёт.

Наступила тишина. Только где-то наверху хлопнула форточка, и по асфальту пробежала тень от пролетающей птицы.

Родька смотрел на лист с цифрами. Потом перевёл взгляд на плиту — серую, треснувшую, которая скоро должна была стать столом. Велосипед, на который он копил всё лето, вдруг показался далёким, почти ненастоящим. А этот стол... он будет стоять здесь, когда сезон пройдёт, когда все разъедутся, когда листья снова опадут. Он будет здесь, когда Родька вырастет. И, может, кто-то ещё придёт сюда, поставит локти, ударит мячом — и услышит этот же глухой, уверенный стук.

— Я... я могу немного.

Он порылся в карманах шорт, потом в рюкзаке и вытащил смятую длинную копилку из-под чипсов, обмотанную резинкой. Размотал, заглянул внутрь, будто надеялся, что там прибавилось за ночь. Не прибавилось. Он высыпал содержимое на ладонь — мелочь, звенящая сухим, негромким звуком, и пара потрёпанных бумажек.

— На велик копил. — Он не глядел ни на кого. Голос звучал глухо, но ровно. — Но стол... он же останется. Велосипед всё равно когда-нибудь сломается. Или уедет. А стол — если нормально сделать — может пережить даже ваш компьютерный кабинет. И меня.

Он положил деньги на край плиты и отдёргнул руку, будто боялся передумать. Монеты легли неровно, но не упали.

Веня пожал плечами, будто ничего особенного не происходит, но глаза стали внимательными, цепкими. Он посмотрел на лист с цифрами, потом на Родькины деньги, потом снова на лист. Пальцы сами полезли в карман джинсов.

— Я тоже.

Он достал несколько монет и аккуратно выложил их рядом. Не бросил. Выложил. Как в шахматы.

Влад молча положил свои — мелочь и сложенную пополам купюру. Положил так, чтобы она не съехала.

— У меня без цели просто лежали, — сказал он тихо. — Теперь будет цель. Так интереснее. И фотография будет другая.

Пётр Иванович смотрел на кучку денег, на тетрадь, на мальчишек. Его руки, привыкшие к клавишам и гаечным ключам, замерли в воздухе.

— Я не собирался у вас брать деньги, — сказал он. — Хотел, чтобы вы помогли руками и головой. Чтобы поняли, как рождается вещь.

— Деньги — это тоже руками и головой, — упрямо возразил Родька, всё ещё не глядя на Петра Ивановича. — Мы же не обязаны. Мы сами. Так честнее.

— Если не возьмёте, будет обидно, — добавил Веня без привычной иронии. — Получится, как будто мы маленькие и нам только песочницу доверяют. А мы уже считаем. И решаем.

Влад промолчал, но кивнул. Кивнул медленно, весомо.

Пётр Иванович перевёл взгляд с одного на другого, потом снова на лист с цифрами и аккуратно, кончиками пальцев, сдвинул к себе деньги. Не жадно. Не торопясь. Как принимают доверие.

— Ладно. Убедили. Тогда это будет наш общий стол. Я вношу свою часть, вы — свою. А город... пусть тоже хотя бы чуть-чуть постарается. Хоть раз.

Он улыбнулся краешком губ:

— Тем более что внук у меня скоро приедет. Будет ему приятно узнать, что тут не только я один чего-то хочу. Что у двора уже есть команда.

Слово «команда» повисло в тёплом воздухе. Не пафосное. Не громкое. Просто — настоящее. Как гвоздь, забитый ровно в дерево.

Где-то за домами снова коротко посигналил автомобиль. Два коротких, ровных звука. Влад машинально поднял голову. Сквозь просвет между крышами он увидел: белая машина всё ещё стояла у музея. Белый бок, чёрные окна — ни пылинки, ни царапины. Она не вписывалась в двор. И именно поэтому он смотрел на неё дольше, чем нужно.

Он поймал себя на мысли, что теперь замечает её каждый раз. Словно она ждала, пока он научится видеть не только то, что есть, но и то, что может быть.

— Завтра начнём, — сказал Пётр Иванович, захлопывая тетрадь и убирая уровень в коробку. — Сегодня вы молодцы. Это уже больше, чем просто разговоры возле подъезда. Это решение.

Во дворе стало светлее, хотя солнце висело всё на той же высоте. И тишина уже не была пустой. В ней теперь жило ожидание.

3.

Утро выдалось без ветра. Асфальт остыл за ночь, но уже начинал отдавать дневное тепло. Двор просыпался медленно, по-летнему: где-то хлопнула дверь, звякнуло ведро, по крыше пробежала кошка. Обычные звуки. Но сегодня они казались немного другими. Будто кто-то прибавил громкость не словам, а самому воздуху.

Пётр Иванович пришёл раньше всех. Он не нёс инструментов. Вместо ящика с гайками и рулетки в руках была тонкая папка, а на скамейке лежали три карточки с крупными рисунками: открытая ладонь, сжатый кулак, два пальца, сложенные «викторией». Рядом — небольшая коробка, перевязанная бечёвкой. На крышке — нарисованный маркером кот с янтарными глазами.

— Доброе утро, — сказал он, когда мальчишки вышли из подъезда. — Сегодня не будем мерить. Будем учиться разговаривать.

Веня остановился на ступеньке, не дойдя до последней.

— С кем? С нами всё в порядке.

— С Тёмой. — Пётр Иванович положил папку на колени. — Он мой внук. Приедет послезавтра. Ему двенадцать. Он глухой с рождения. Не говорит. Но это не значит, что ему нечего сказать.

Родька почесал затылок. Вчерашний кураж с рулеткой куда-то делся.

— То есть... он вообще не слышит? Ни машин, ни музыки, ни как я ору?

— Ни машин, ни музыки, ни тебя. — Пётр Иванович улыбнулся, но без снисхождения. — Для него мир — это не громкость. Это движение, свет, тень, вибрация пола под ногами, выражение лица. Он читает людей лучше, чем мы читаем книги. Просто язык у него другой.

Он достал первую карточку. На ней была нарисована открытая ладонь, повёрнутая к лицу.

— Это «здравствуйте». Ладонь подносится ко лбу, чуть отходит вперёд. Не как салют, а как приветствие. Попробуйте.

Родька тут же вскинул руку, как на линейке.

— Не так. — Пётр Иванович мягко поправил его локоть, опустил кисть. — Без резкости. Плавно. Глухота не любит рывков. Она любит пространство.

Родька повторил. Медленнее. Ладонь скользнула от лба вниз, задержалась в воздухе. Вышло неуклюже, но правильно.

— Отлично. Теперь «спасибо». — Пётр Иванович показал: кончики пальцев касаются подбородка, затем вытягиваются вперёд, к собеседнику. — Как будто передаёшь что-то невидимое, но важное.

Веня смотрел внимательно, почти не моргая. Его аналитический ум уже раскладывал жесты на части: угол, траектория, фиксация.

— А если я ошибусь? — спросил он тихо. — Вдруг он подумает, что мы смеёмся?

— Он подумает, что вы стараетесь, — ответил Пётр Иванович. — Это важнее, чем идеально. Язык жестов — это не азбука Морзе. Это разговор телом, глазами, дыханием. Главное — смотреть в глаза. Не на руки, не на губы. В глаза. Там начинается всё.

Влад молча достал камеру. Не чтобы снимать. Просто привычка — фиксировать детали. Он навёл объектив на руки Петра Ивановича, потом на лица мальчишек. В видеоискателе жесты выглядели иначе: не как команды, а как линии в воздухе. Как чертежи дружбы.

— Следующее, — Пётр Иванович перевернул карточку. «Друг». — Большой палец указывает на себя, мизинец — на другого. Руки сходятся посередине. Как мост.

Они пробовали по очереди. Родька путал пальцы, Веня контролировал каждый градус, Влад запоминал ритм. Пётр Иванович не торопил. Он показывал, поправлял, ждал. Когда у Родьки в третий раз вышел «друг», а не «смотри», он не похвалил. Просто кивнул. И Родька понял: это значит «Да. Ты смог».

— А ещё он любит наблюдать, — продолжил Пётр Иванович, закрывая папку. — В городе все бегут, говорят, кричат. А он стоит. И видит, как меняется свет на воде, как кошка выбирает тень, как человек врать не умеет, когда думает, что за ним не смотрят. Глухота не отнимает мир. Она его заостряет.

Он положил руку на коробку с нарисованным котом.

— Дома его ждёт Янтарик. Которобот. Я купил его заранее. Не игрушку, а помощника. Он будет переводить слова в текст, текст — в жесты, записывать важные моменты. Но машина не заменит человека. Сначала вы должны стать его глазами и руками. А уже потом — командой.

Родька посмотрел на свои ладони. Вчера они мерили бетон. Сегодня учились говорить без звука.

— А если мы не успеем? — спросил он. — До его приезда?

— Не успеете выучить все слова, — Пётр Иванович покачал головой. — И не нужно. Выучите главное: *здравствуй, спасибо, друг, посмотри, я рядом*. Остальное он сам покажет. Он терпеливый. И честный.

Влад опустил камеру. Впервые за лето он не стал щёлкать. Просто смотрел, как солнечный луч скользит по асфальту, задевает край скамейки, ложится на ладони Петра Ивановича. Свет был тёплым, почти осязаемым.

Где-то за домами коротко, дважды, посигналила машина. Влад машинально поднял голову. Белая машина всё ещё стояла у башни. Ни движения, ни тени. Только стёкла, тёмные и ровные, как вода в штиль. Он запомнил это: тишина может быть разной. Одна — пустая. Другая — напряжённая. Третья — ждущая.

— Попробуем ещё раз, — сказал Пётр Иванович. — Все вместе. Без спешки.

Они встали в круг. Не как на уроке. Не как на стройке. Просто — лицом друг к другу.

Родька поднял руку. *Здравствуй*.

Веня коснулся подбородка. *Спасибо*.

Влад свёл пальцы. *Друг*.

Пётр Иванович добавил свой жест: ладонь на грудь, потом вперед. *Я с вами*.

В воздухе повисла тишина. Но не та, что бывает, когда не о чем говорить. А та, что рождается, когда слова уже не нужны.

— Завтра он будет здесь, — сказал Пётр Иванович, и в его голосе не было ни тревоги, ни сомнений. Только спокойная уверенность. — А мы готовы.

Во дворе пахло нагретым деревом и пылью. И в этом запахе уже жило лето, которое должно было измениться.

4.

Асфальт под подошвами менял рисунок. Сначала ровная плитка променада, потом знакомые по видео выбоины, потом тёплый, чуть шершавый бетон двора. Тёма шёл не спеша. Мама шла рядом, её рука лежала у него на локте — не направляла, просто была опорой. Он чувствовал её шаги через землю: короткие, осторожные. Свои он делал длиннее, увереннее. Так он настраивался. Как перед входом в незнакомую комнату, когда сначала трогаешь стену, потом открываешь дверь, потом делаешь шаг.

Запах краски. Летняя пыль. Солнце, которое грело плечи сквозь тонкую футболку. Тёма видел двор не как картинку, а как пространство: синий стол в центре, лавка с новой спинкой, качели, которые чуть раскачивались от ветра, башня между крышами. И дальше, у музея, белый прямоугольник машины. Он помнил его по кадрам Влада. Стёкла тёмные. Ни движения. Ни тени.

Мама остановилась. Наклонилась так, чтобы её лицо было в поле его зрения. Губы двигались чётко, без спешки.

— Дедушка. Уже. Во дворе.

Тёма кивнул. Он не слышал слов. Но видел, как напряглись её плечи, как она сглотнула, как пальцы чуть сильнее сжали ручку его рюкзака. Он знал это напряжение. Оно бывало каждый раз, когда мир становился слишком новым.

Он отодвинул её руку. Не резко. Просто показал ладонью: *я сам*. Мама отступила на полшага. Дала ему воздух.

Они вошли в арку. Тень упала на лицо, потом снова выхватило на солнце. Двор раскрылся полностью. И сразу — трое мальчишек у стола. Они замерли. Один с ракеткой, второй с очками на лбу, третий с камерой на груди. Все смотрели. Не с жалостью. С ожиданием.

Пётр Иванович оттолкнулся от лавки. Пошёл навстречу. Шаг ровный, без суеты. Он встал так, чтобы солнце не било Тёме в глаза, и медленно поднял правую руку. Ладонь открыта. Плавно коснулась лба, потом вытянулась вперед.

Здравствуйте.

Тёма ответил так же. Рука не дрожала. Движение было отработано дома, перед зеркалом, но сейчас оно стало настоящим.

— Ну вот и вы, — чётко, артикулируя каждое слово, сказал Пётр Иванович. Лицо спокойное. Глаза тёплые. Без тех «правильных» улыбок, которые взрослые надевают как маски.

— Тёма, это наш двор. А это, — он кивнул в сторону мальчишек, — те, кто сделал стол.

Родька первым шагнул вперёд. Ракетка осталась на столе. Он поднял обе руки, растерялся, сбился с ритма, но всё равно показал: ладонь ко лбу, потом вперёд. *Привет*. Вышло угловато, но честно.

Веня поправил очки. Показал медленнее. Точнее.

Влад не стал применять жесты. Он просто кивнул и чуть приложил ладонь к груди. Тёма понял. Иногда взгляд заменяет слово.

Он достал планшет. Разблокировал. Пальцы бежали по экрану привычно, без спешки. Перевернул к ним:

Я — Тёма .

Рад. Стесняюсь немного.

Веня прочитал вслух. Тёма не слышал, но увидел, как дёрнулись губы Вени, как Родька хмыкнул, как Влад чуть кивнул. Потом Веня поднял руки и показал: *Понял*. И добавил жестом: *Мы тоже*.

Пётр Иванович улыбнулся. Не шире. Не громче. Просто дал паузе состояться.

— Ребята помнили, что мы репетировали, — сказал он, глядя на Тёму. — Не идеально. Но от сердца.

А это важнее.

Родька кашлянул, переминаясь с ноги на ногу.

— Мы тут... стол красили. Если хочешь, можно сыграть. Только я пока не ас. Обещаю, не буду по углам гонять.

Тёма посмотрел на стол. Синяя поверхность блестела. Белая линия посередине была ровной, как на чертеже. Он чувствовал её не глазами. Он представлял, как мяч коснётся дерева, как отдача пойдёт через ракетку в руку, как вибрация побежит по столешнице, как воздух шлохнёт бумажную сетку.

Он показал жест: *Давай*. Потом добавил: *Медленно. Сначала*.

Пётр Иванович перевёл жест ребятам и кивнул. Встал сбоку, так, чтобы видеть всех. Мяч был в его руке. Он не подавал сразу. Дал Тёме занять позицию. Родька встал напротив. Веня и Влад — по сторонам, как зрители, которые уже знают: это не соревнование. Это настройка.

Первый удар. Мяч перелетел через сетку. Тёма сделал шаг. Вес перенёс на переднюю ногу. Ракетка коснулась мяча. Отдача — чёткая, короткая, знакомая. Мяч вернулся. Он не упал.

В груди стало легче. Не потому что получилось. Потому что пространство вокруг перестало быть чужим.

Родька отбил. Мяч снова пошёл. Потом снова. Ритм выстраивался сам. Без слов. Без подсказок. Только взгляд, только движение, только вибрация стола под локтями, когда кто-то промахивался и ловил мяч на отскок. Никто не торопил. Никто не исправлял. Все просто держали мяч в воздухе.

Мама стояла под деревом. Тёма видел её краем глаза. Она не подходила. Не вмешивалась. Просто была. Этого было достаточно.

Партия закончилась не потому, что кто-то проиграл. А потому, что мяч просто упал, и никто не стал его поднимать сразу. Все стояли, дышали, смотрели друг на друга. Тёма положил ракетку на край стола. Вытер ладонь о шорты. Повернул планшет:

Спасибо .

Ещё хочу .

Родька усмехнулся, но в его глазах не было насмешки. Только азарт.

— Завтра после обеда, — сказал он.

— Я подам сильнее. Но честно.

Влад поднял камеру. Щёлкнул. Не в лицо. В пространство между ними. В воздух, где ещё висел невидимый след мяча.

Пётр Иванович положил руку на плечо внука. Не сжал. Просто обозначил: *я здесь*. Тёма кивнул. Жестом. Без планшета. Просто кивнул.

Где-то за домами, у башни, всё так же стояла белая машина. Ни фар, ни движения. Только тень, которая не менялась уже второй день. Тёма заметил её. Запомнил. Но не обернулся. Сейчас важнее было другое: синий стол. Тёплая ладонь деда. И трое мальчишек, которые не стали спрашивать, как он слышит мир. Они просто начали играть в нём.

Асфальт остывал. Воздух становился гуще. И в этой густоте уже жило лето, которое должно было измениться.

5.

Лето умело делать вид, что никуда не спешит. Дни шли похожими, но двор уже не был прежним. Утром тень от домов закрывала половину синего стола, днём солнце превращала поверхность в ослепительное море, вечером длинные полосы от башни пересекали фанеру, будто кто-то начертил ещё одну сетку.

Стол жил своей жизнью. Днём на нём летал мяч, вечером Пётр Иванович иногда выходил один, перекидывал его через сетку в никуда — просто чтобы чувствовать отдачу в ладони и знать: двор не уснул, ждёт.

Тёма вписался в этот ритм. Он приходил с мамой или дед поднимался за ним сам. Ребята уже не вспоминали, что когда-то не знали жестов: *привет, давай, ещё, круто* разлетались над синей поверхностью без звука, но очень чётко.

У каждого появилось своё дело. Влад снимал короткие отрезки: как мяч замирает в воздухе, как Родька промахивается и тут же смеётся, как Тёма показывает большой палец. Веня придумывал названия роликам — «Хроника синего стола», «Летопись двора», «Сага о мячике». Родька соревновался сам с собой, считая, сколько раз подряд перебьёт подачу, не уронив шарик.

Ксюша появилась не как гостя. Как стихия, которая всегда была рядом, просто ждала нужного ветра.

Она приезжала к бабушке каждое лето. Раньше двор был для неё просто дорогой от подъезда до остановки: ямки, бордюры, запах чьей-то жареной картошки. Мальчишки существовали где-то на периферии — быстрые шаги, обрывки смеха, стук мяча. Она не вмешивалась. Её лето проходило у моря, в аудиокнигах, на кухне бабушки, где воздух густел от компота и корицы.

В этот раз ветер изменился.

— Послушай, что у них там вышло, — сказала бабушка тем утром, завязывая фартук. — Не просто доску измазали краской. Живую вещь сделали. Пойдём. Почувствуешь сама.

Ксюша стояла у вешалки, нащупывая ремень сумки. Белая трость лежала на тумбочке — привычная, тяжёлая, надёжная. Она взяла её. В руке сразу стало спокойнее: с тростью пространство переставало быть чёрной ямой и превращалось в карту, которую можно читать кончиком.

Они спускались медленно. Бабушка шла рядом, не держала за руку — только иногда чуть касалась локтя, если впереди была скошенная ступенька или открытый люк. Дверь подъезда вздохнула, впуская во двор тёплый, густой воздух.

Ксюша остановилась на нижней ступеньке. Трость нашла край бетона, потом асфальт.

— Полегче, — тихо сказала бабушка. — Там играют.

Для Ксюши слово «играют» означало не шум, а ритм. Где-то во дворе вибрировал воздух, шаги были частыми, но не хаотичными. А главное — повторялся чёткий звук-удар: лёгкий толчок, пауза, ответный толчок. Как пульс.

Она шагнула вперёд. Трость отметила знакомое: ямка справа, кочка у клумбы, мягкий островок земли. Бабушкина ладонь чуть подтолкнула её правее.

— Прямо. Ещё три шага — и будет край стола.

Ксюша сделала три шага. Кончик трости мягко уткнулся во что-то ровное и широкое. Она провела пальцами по кромке. Гладкая прохладная поверхность, местами чуть шершавая, где краска легла толще. И маленькая выемка — как родинка.

— Вот он, — сказала бабушка. — Твой новый ориентир.

По другую сторону стола стояли Тёма и Влад. Родька с Веней сидели на лавочке, споря жестами и обрывками слов. Пётр Иванович был чуть в стороне, как всегда, когда хотел видеть и мяч, и людей.

Он первым заметил бабушку и фигуру с белой тростью. Кивнул ребятам, показал жест: *смотреть*.

Влад поднял голову. В ту же секунду мяч отскочил от края и покатился к трости.

Кончик уловил движение раньше, чем глаза успели бы среагировать. Короткое прикосновение к чему-то круглому. Ксюша остановилась.

— Мяч, — пояснила бабушка. — Сейчас вернут.

Родька рванулся вперёд, но Пётр Иванович поднял руку.

— Спокойно. Давайте по-честному.

Он сам подошёл к Ксюше и бабушке, остановился на расстоянии шага. Так, чтобы его можно было и увидеть, и почувствовать по изменению воздуха.

— Добрый день, — сказал он. Голос ровный, без жалостливых интонаций. — Рад, что вы здесь.

Бабушка улыбнулась:

— Здравствуйте, Пётр Иванович. Это моя Ксюша.

— Приятно познакомиться.

Ксюша чуть повернула голову.

— Я слышала про ваш стол, — сказала она. — Бабушка рассказывала. И... он по вибрации не как обычный. Деревянный звенит глуше. А этот — отдаёт в ладонь чётко.

Она провела пальцами по фанере. Нашла выемку, провела дальше.

— Красили сами, — не выдержал Родька, подлетая ближе. — И строили. Ну, почти.

— Почти — это значит, что Пётр Иванович нас всё время страховал, — уточнил Веня.

Ксюша повернула лицо на направление шагов. Смех, лёгкие перемещения, прикосновение мяча к столу — всё складывалось в объёмную карту. Где-то справа, у края синей плоскости, кто-то дышал ровно и ждал.

Пётр Иванович дотронулся до плеча внука. Показал жестами: *это Ксюша. Совсем не видит. Трость — её глаза. Здесь каждое лето*.

Тёма кивнул. Он смотрел на трость, на девочку, на её пальцы, которые уверенно лежали на синем краю. Белая палка для него была такой же важной вещью, как его планшет: чужой инструмент, который делает мир честнее.

Он поднял руки. *Привет*. Потом чуть подумал и добавил *рад познакомиться*.

— Он здороваётся, — мягко пояснил Пётр Иванович. — Руки поднял, вот так... — и коротко описал движение словами.

— Я немного представляю, — сказала Ксюша. — Бабушка рассказывала. Только у меня пальцы не слушаются.

Она отодвинула трость, чтобы не задеть никого, и нащупала воздух перед собой. Пальцы нарисовали что-то неловкое, но старательное.

— Это *привет*, только назад, — пояснила она. — С поправкой на кривые руки.

Пётр Иванович усмехнулся:

— Отлично. Значит, у нас сегодня второй урок. Первый был для этих троих, — он кивнул на мальчишек, — а теперь очередь за вами.

Родька посмотрел на мяч, потом на стол, потом на Ксюшу.

— Хочешь потрогать, как он прыгает? — спросил он. — Не играть сразу. Просто... почувствовать.

Он положил мяч на край стола, поближе к её руке, и слегка надавил ладонью. Ксюша коснулась пальцами — круглая, упругая поверхность легко оттолкнулась и вернулась.

— Он всегда так? — уточнила она.

— Если правильно ударить, — объяснил Веня. — Если криво — убегает под качели и делает вид, что его тут не было.

Бабушка устроилась на лавочке. Ксюша чуть повернула трость и поставила так, чтобы один конец касался ножки стола, другой — края скамейки.

— Ну, играйте, — сказала бабушка. — Только без дыр в головах.

— Давайте так, — предложил Пётр Иванович. — Родька с Владом. Веня — наблюдает. Ксюша — у стола, как второй арбитр. Тёма... — он посмотрел на внука и показал жестом: «хочешь быть судьёй?»

Тёма тут же показал жестами: «*хочу*» и «*здесь*», показав на свою сторону стола. Потом быстро вытащил планшет и набрал:

*Я буду смотреть ,
показывать : аут / в игре .*

Он повернул экран к Петру Ивановичу. Тот кивнул и озвучил:

— Тёма будет сигналить, в поле мяч или нет. Это важнее, чем забить сто очков.

Игра пошла. Мяч снова прыгал по синему морю, белая полоска разделяла «берега», сетка дрожала от лёгких касаний.

Ксюша держала пальцы на краю стола. Каждый удар мяча отзывался в столешнице маленьким, чётким толчком. Так она знала: попал. Если удара не было, а потом слышались быстрые шаги и шорох по асфальту — значит, кто-то промазал.

— Сейчас был аут, — спокойно сказала она через пару минут. — Я почувствовала, как вибрация ушла в сторону. Мяч по земле покатился.

Тёма в этот момент следил глазами за траекторией. Он тут же показал жест *аут* и большим пальцем в сторону Ксюши — «правильно».

— Видите? — заметил Пётр Иванович. — Два судьи лучше одного. Один чувствует по пальцам, второй — по глазам.

Влад на секунду отступил, поднял камеру. В кадр попали синий стол, мяч в полёте, Родька в прыжке, Веня с книжкой под мышкой, Тёма у края и Ксюша, у которой одна рука лежит на фанере, а другая держит белую трость.

Трость тихо касалась ножки стола — этот звук теперь тоже стал частью дворового ритма.

За домами, как всегда, торчала башня. У неё стояла белая машина — Влад поймал её в дальнем плане, маленькое светлое пятно за спинами ребят.

День уходил. Тени вытягивались, воздух остывал. Игра закончилась не проигрышем, а естественной усталостью. Ребята разобрались, кто заберёт мяч, кто протрёт стол тряпкой. Ксюша с бабушкой медленно пошли к подъезду. Перед уходом она нащупала край стола, постучала по нему костяшками — дважды. *До завтра*. Тёма увидел стук. Ответил жестом *пока*. Но Ксюша этого не увидела...

Вечером Тёма вышел на балкон. Дверь за спиной закрылась беззвучно, но он почувствовал вибрацию петель через босые ступни. Прислонился ладонями к тёплым перилам. Внизу двор спал. Стол был тёмно-синим пятном. Качели замерли.

Он поднял голову. Сквозь просвет между крышами видел башню. И у её подножия — белый прямоугольник машины. Ни фар, ни движения. Только стёкла, тёмные и ровные, как вода в штить.

Тёма не дёрнулся. Не побежал звать деда. Он просто смотрел. В голове уже работал другой алгоритм: не паника, не крик, а сбор данных. Машина стоит два дня. У служебного входа музея. Слишком чистая для этого двора.

Он достал планшет. Набрал короткую заметку, которую не стал отправлять никому:

Белая машина . У башни.

Сначала нужно увидеть музей.

Потом думать .

Он убрал планшет. Ветер шевельнул волосы на лбу. Где-то вдали, за линией домов, проехала другая машина — обычная, шумная, живая. Белая машина осталась на месте. Тёма не отводил взгляда. Он не боялся тишины. Он уже учился читать её.

Лето продолжало шагать на Балтике. Но в нём появилась точка, с которой всё могло измениться.

Глава 2 . Город кошек и Музей

1.

Вечер мягко прикрыл двор, как крышку шкатулки. Синий стол, башня и белая машина остались за окном — кадр, который Влад поставил на паузу. Внутри квартиры Петра Ивановича было другое море: жёлтое, тёплое, из света ламп и дрожащих свечей.

Мама Тёмы накрыла стол так, как делала всегда в важные дни. Не потому что «надо», а потому что по-другому было бы неправильно. Белая скатерть с крошечными лимончиками по краю, глубокая миска с запечённой картошкой, тарелка с помидорами, огурцами и зелёным луком. В центре — две тонкие свечи в простых стеклянных подсвечниках. Огоньки дрожали от каждого движения, будто тоже немного волновались.

— Всё, хватит, — сказала мама, поправляя одну из свечей. — Остальное настроение уже сами добавим.

По её губам это читалось как привычная шутка, но в уголках глаз отражался тот же дрожащий свет. Тёма уловил это сразу. Он сидел напротив, пальцы неосознанно перебирали край вилки. Переворачивал её, изучал отблеск на металле, и украдкой косился на подоконник.

Там стояла большая коробка из плотного картона. На боку — золотистые буквы по-английски и по-китайски, а по-русски Пётр Иванович сам аккуратно приписал маркером: «ЯНТАРИК». Буквы вышли немного неровными, будто он спешил и одновременно старался.

Коробка выглядела обычной, если не знать, что внутри. Но Пётр Иванович знал. И от этого время перед ужином тянулось, как резина. Стрелки на стене двигались, а ощущение было такое, будто они топчутся на месте.

Тёма почувствовал это не ушами. Он почувствовал грудью: упругая тяжесть ожидания, знакомая ещё с детских поездок в неизвестные города. Мама не умела делать сюрпризы до конца: глаза у неё светились так, будто она сама стала ребёнком. Даже когда она просто налила компот, уголки губ выдавали: *жду, не дождусь*.

Пётр Иванович поставил на стол салат, сел на своё место и показал внуку жест: *праздник*. Его руки давно привыкли к этому языку — движения были чёткими, как у человека, много лет объяснявшего формулы у доски.

— Сегодня у нас два повода, — сказал он вслух и повторил коротко руками: *два, важно*. — Первый — *ты наконец здесь, а не в экране*.

Его губы двигались ясно, чуть замедленно. Тёма уловил смысл по артикуляции и по жестам, улыбнулся и показал: *я рад сильно*. Радость у него всегда сначала появлялась в глазах, а уже потом в лице.

— Второй — *у меня для тебя есть один помощник*, — продолжил Пётр Иванович. — *Вернее, друг. Очень терпеливый. Издалека.*

Он кивнул в сторону подоконника.

Мама чуть наклонилась к Тёме, чтобы он видел её губы, и ладонью едва коснулась его плеча.

— Это подарок, — медленно сказала она. — От дедушкиных друзей. Издалека. Дедушка долго его готовил.

Слова *долго* и *готовил* она как будто слегка подчеркнула. У Тёмы внутри что-то шевельнулось: если дедушка *готовил* подарок, значит, там не просто игрушка из магазина.

Он перевёл взгляд на коробку. Она вдруг стала гораздо важнее всей картошки и свечей вместе взятых. Даже запах запечённой курицы отступил на шаг.

Он показал жест: *можно сейчас?*

Пальцы чуть дрогнули — не от страха, от нетерпения.

Пётр Иванович улыбнулся, морщины у глаз собрались веером.

— Можно, — сказал он. — Даже нужно.

Они втроём подошли к подоконнику. Мама сняла коробку, поставила на стол. Картон чуть подался под её руками. Для Тёмы это был не звук, а лёгкая вибрация в столешнице, микроскопический толчок, который передался в запястья.

— Открывать тебе, — показал Пётр Иванович. — Только аккуратно, он *стесняется*.

Слово *стесняется* он сопроводил жестом, будто кто-то прикрывает лицо ладонями.

Тёма провёл ладонью по крышке. Картон был гладкий, холодный, с острым запахом типографии и дальних дорог. Пальцы нашли край, потянули. Крышка поднялась, и в комнату медленно вытекло белое, как снег, «облако» упаковочного материала.

Внутри, на мягкой подложке, лежал Янтарик.

Он был меньше, чем можно было представить по слову «робот». Не огромная железная коробка, не блестящий человек из фильма. Скорее — большой, тяжёлый котёнок: округлое тело тёплого рыжевато-розового цвета, гладкая поверхность, в которой при свете свечей вспыхивали янтарные переливы. Казалось, будто в него кто-то собрал все закаты Балтийского моря.

Вместо привычной кошачьей мордашки у Янтарика было условное лицо: два тёмных овала-глаза, тонкая линия рта. На боках — аккуратные щёлки динамиков. На спине — едва заметная полоска сенсоров. И усы, словно антенны.

— Он как настоящий... — губы мамы сформировали слова, и Тёма прочитал их, почти не отрывая взгляда от робота.

Пётр Иванович осторожно взял Янтарика на руки. Робот приятно потяжелел. В его прикосновениях было что-то привычное — он уже успел подержать этого «котёнка» один на один. И насладиться прикосновениями к мягкой, почти настоящей шерсти.

— Это не просто игрушка, — сказал он. — Его придумали для таких ребят, как ты. Чтобы немного облегчить разговор с миром.

Он повернул Янтарика лицом к Тёме, чуть наклонил, чтобы глаза-овалы «смотрели» прямо на внука.

— У него два голоса: один говорит вслух, другой — пишет текст. Всё, что ты набираешь или показываешь ему, он может озвучить. И наоборот — если кто-то что-то говорит, он может показать это тебе буквами.

Он говорил медленно, а для Тёмы одновременно писал на планшете:

Он будет говорить вместо тебя . И говорить с тобой .

Строки появлялись одна за другой.

Тёма протянул руки. Пальцы впервые коснулись гладкой, чуть тёплой и приятной поверхности робота. Это было как прикоснуться к камню у моря, который долго лежал на солнце и был покрыт мхом, — мягкому и приятному, хранящему в себе тепло дня.

Он осторожно провёл ладонью по спине. Янтарик тихо ожил: в глубине корпуса что-то мягко сработало, вибрация от механизма отдала в пальцы ровным, низким толчком. Глаза вспыхнули тёплым янтарным светом. На маленьком экране под шеей побежали крупные буквы: **ЗАГРУЗКА...**

ПРИВЕТ.

Тёма невольно задержал дыхание. В такие моменты тишина становилась ещё гуще, но он её не боялся — он к ней привык. Сейчас в этой тишине появилось новое: невидимый внутренний ритм, который можно было чувствовать кончиками пальцев.

— Здравствуй, Янтарик, — чётко сказал Пётр Иванович.

Робот моргнул. На экране вспыхнул ответ:

ЗДРАВСТВУЙ, ТЁМА. Я РАД ЗНАКОМСТВУ.

Одновременно корпус Янтарики слегка завибрировал, передавая в столешницу ровный, успокаивающий пульс. Тёма задержал пальцы на буквах. Экран был гладким, но ему чудилось, что под ним дрожит что-то живое. Потом взял свой планшет, быстро набрал:

Я — Тёма. Тоже рад. Немного боюсь.

Планшет показал текст. Пётр Иванович переслал его в программу, но в первый раз нажал не туда — на экране ноутбука открылась какая-то старая папка. Он хмыкнул, закрыл её, нашёл нужное окно. Пальцы чуть дрогнули — с непривычки или от волнения.

— Сейчас... — пробормотал он, и Тёма прочитал по губам. — Всё, отправил.

Янтарик снова моргнул. Корпус отозвался новой вибрацией, чуть более частой. На экране появилось:

Я — ЯНТАРИК. ТОЖЕ НЕМНОГО БОЮСЬ. ВСЕГДА СТРАШНО, КОГДА ОТКРЫВАЮТ КОРОБКУ.

Мама засмеялась первой. Плечи у неё дёрнулись, глаза прищурились, нос сморщился. Тёма увидел этот смех, и уголки его рта потянулись шире.

— Тут всё настроено по-русски, — чётко, без спешки, сформулировал Пётр Иванович, чуть смущённо поправляя ноутбук. — Я несколько вечеров сидел, спорил с ним. Не всегда получалось с первого раза. Но теперь он понимает жесты, текст и голос. Будет учиться вместе с нами.

Тёма не слышал слов, но считал по лицу: уголки губ деда приподнялись, плечи расправились, в глазах зажёгся тот самый огонёк, который он видел в их видеозвонках. Ему вдруг представилось, как дедушка поздно вечером, в полутёмной кухне, сидит напротив экрана, активно жестикулирует, объясняет, а в ответ мигают только два овала-глаза.

Мама кивнула.

— А ещё он кошка. Почти. А у кошек, ты знаешь, свои тайны.

Она показала короткий жест: *секрет*, поднося палец к губам.

Тёма посмотрел на Янтарики, потом на огонь свечи. Огоньки отражались в его глазах и в глазах робота, и ненадолго казалось, что они трое ведут между собой отдельный разговор — без звуков и букв.

В планшете появилась новая фраза:

Ты любишь тайны ?

Янтарик «подумал» секунду — внутри корпуса едва ощутимо дрожал моторчик, отдавая в ладонь лёгкую дрожь — и ответил:

Я ЛЮБЛЮ, КОГДА ТАЙНЫ СТАНОВЯТСЯ ЯСНЕЕ. НО НЕ ВСЕ. ЕСТЬ ТАЙНЫ, КОТОРЫЕ ЛУЧШЕ БЕРЕЧЬ.

Тёма прочитал и улыбнулся.

— Вот, отличный ответ, — сказал Пётр Иванович. — Нам как раз пригодится тот, кто умеет запоминать и ничего не забывать.

Мама взглянула на него внимательно.

— Это ты про двор или про музей? — спросила она, медленно, чтобы Тёма прочитал по губам.

Пётр Иванович только развёл руками:

— Про жизнь.

Янтарик мирно лежал на столе, иногда шевеля глазами-огоньками. Время от времени его корпус едва ощутимо нагревался. Тёма положил рядом с ним ладонь. Кожа почувствовала лёгкое тепло пластика и ровное внутреннее биение.

Завтра, — написал он на планшете. — Познакомлю тебя с нашим двором. А потом пойдём к башне. Там коты живут. И афиши висят. Я хочу всё сфотографировать. Для тебя.

Янтарик подсветил буквы и коротко мигнул. Тёма увидел вспышку и почувствовал лёгкий толчок под пальцами. Завтра будет новый маршрут. Новые вибрации. Новые линии города. И он будет готов их читать.

2.

Ветер трепал волосы, заставлял шуриться. На перилах набережной дремали полосатые коты, свернувшись тугими клубками. У лавочек тёрлись чёрные и рыжие, подставляя бока солнцу. На стенах домов за ними следили нарисованные глаза — кто-то расписал кирпичную стену огромным котом во всю высоту, с зелёными глазами и усами в пол-окна. Зеленоградск оправдывал своё прозвище без слов.

Тёма шёл между мамой и Петром Ивановичем, успевая заметить больше, чем они: кот, свесивший лапу с козырька; бронзовая фигура на постаменте с важным видом; каменный зверь, выглядывающий из-за угла. Даже там, где котов не было, казалось, они просто спрятались и наблюдают.

На афишных тумбах висели яркие плакаты. «ФЕСТИВАЛЬ», «ДЕНЬ ЗЕЛЕНОГРАДСКОГО КОТА», — считывал Тёма по крупным буквам, пока мама наклонялась, чтобы он видел её губы. Бумага вздрагивала от ветра, буквы плясали. Среди них одна повторялась особенно часто: на ней — высокая кирпичная башня, а вокруг множество кошачьих силуэтов, карабкающихся по стенам. Вверху: «МУРРАРИУМ».

— Это туда мы идём, — чётко произнесла мама, поворачиваясь лицом к сыну. — Музей кошек в башне.

Она показала жест *башня* — ладонь вертикально, пальцы вверх — и движение рукой: *наверх*. Пётр Иванович добавил, следя, чтобы Тёма читал по губам:

— И там есть то, что тебе точно понравится. Янтарная кошка Бастет.

Он растянул губы на «Бас-тет», как новое важное имя. Слово *янтарь* отозвалось в памяти вчерашним вечером, переливами на спине робота. Тёма кивнул. Внутри что-то потеплело, будто включили ещё одну лампу.

У входа в башню их уже ждал Влад. Камера висела на шее, объектив протёрт до блеска. Родка и Веня остались во дворе договариваться о тренировке, но Влад пришёл заранее — ему нужно было поймать свет.

Башня оказалась выше, чем на афише. Почти сорок метров кирпича под облаками, узкие окна, потемневшие от дождей. На металлических дверях — стрелка: «МУРРАРИУМ. ВХОД».

Внутри пахло старым деревом, пылью и чем-то сладким, вроде жжёного сахара. Для Тёмы присутствие других людей ощущалось не шумом, а дрожью пола: топот, движение воздуха, лёгкая вибрация от закрывшейся двери. По кругу вела узкая винтовая лестница. Каменные ступени были стёрты посередине — следы тысяч ног за десятилетия.

На каждом пролёте — кошки. Плюшевые, фарфоровые, стеклянные, деревянные. Одни смешные, с огромными глазами, другие — слишком серьёзные, как статуи, готовые ожить. Тёма задерживался у некоторых, разглядывая трещинки, потёртости, следы времени, которые можно было потрогать взглядом.

Мама шла чуть впереди, чтобы Тёма видел её профиль. Пётр Иванович страховал сзади. Иногда его ладонь мягко касалась спины внука — *я здесь*. На одной из площадок дедушка привлёк его внимание и, глядя прямо в глаза, медленно сформулировал:

— Если будет тяжело — покажи. И повторил жестами: *не по себе* — ладонь к груди, *покажи* — движение от себя.

Тёма кивнул. Высота была интересной, а не страшной. Из узких окон были видны кусочки города: синяя полоска моря, крыши, фигурки людей внизу, похожие на муравьёв. Всё напоминало игру в чужой телефон: смотришь сверху, а тишина густая, но наполненная движением.

На втором этаже экскурсионная группа остановилась у большой, подсвеченной изнутри витрины.

За стеклом стояла кошка. Не фигурка, а почти живое существо, застывшее в янтаре. Королевский белый янтарь, молочный, с мягким внутренним светом. Сквозь лапы и тонкие уши проступали золотистые прожилки, как корешки в льдинке. Поверхность выглядела тёплой, бархатистой на ощупь, хотя стекло отделяло их на ладонь. На груди, ровно по центру, — главное: крошечный пузырёк воздуха, застывший миллионы лет назад. Он светился, как точка, как маленькое солнце, попавшее в ловушку времени.

Бастет. Египетская богиня-кошка.

Влад шагнул ближе. Не торопясь. Поднял камеру, настроил макро, щёлкнул затвором. Вспышка не ударила резким бликом — янтарь ответил мягким, рассеянным сиянием, как лампа под абажуром. Пузырёк на экране получился идеальным: чёткий круг, глубокий, живой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.